

Миллер Раиса Борисовна

Карельская деревня в XVII веке

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Р18

Р18 **Раиса Борисовна М.**
Карельская деревня в XVII веке / Миллер Раиса Борисовна – М.: Книга по Требованию,
2023. – 379 с.

ISBN 978-5-519-96502-6

На переплете составитель не указан

ISBN 978-5-519-96502-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

на продукты местных промыслов. По своему хозяйственному облику эта часть Карелии ближе к своему восточному соседу — Двинской земле с ее богатым промысловым поморьем, нежели к остальной Карелии.

Естественно, что этот район непохож на остальную Карелию и по сложившимся здесь социальным отношениям. Карельское Поморье издавна привлекало к себе предприимчивых колонизаторов и богатых феодалов. Оно очень рано было колонизовано русским населением, вытеснившим в глубь страны большую часть первоначальных ее поселенцев. Богатое промыслами, Поморье становится объектом захватнических устремлений крупных феодалов. В особенности успешно шло освоение Поморья ближайшим его сильным соседом — Соловецким монастырем. К середине XVII века последнему удалось почти полностью освоить Поморский берег вместе со всем его населением.

Совершенно иначе сложились социальные отношения в остальной Карелии. Там, за немногими исключениями, между государственной властью и крестьянами не стоял феодал. Почти все земли были собственностью государства. Это были так называемые черные земли. Крестьяне, жившие на этих землях, не были их собственниками. Но государство, заинтересованное лишь в исправном несении крестьянами их повинностей, очень редко вмешивалось в распоряжение крестьян своими деревенскими участками. Крестьяне распоряжались ими, как своей полной собственностью: продавали, закладывали, передавали по завещанию, сдавали в аренду (на кортому) и т. д. Представители правительства следили при этом лишь за тем, чтобы земля не пустела. Несение повинностей с опустевших деревенских участков возлагалось на оставшихся крестьян той же волости. Но очень значительное запустение приводило к обнищанию их, к уходу со своих участков и к полной невозможности собирать причитающиеся налоги. Однако, до тех пор, пока таких массовых уходов не происходило, правительство обычно не препятствовало крестьянам распоряжаться своими участками. В условиях развивающегося денежного хозяйства это неизбежно приводило к скоплению значительных земель в руках одних крестьян, иногда даже к земельной спекуляции: «тот Петр, говорится в одной челобитной, деревнями торгует, купит да продаст»^а. Наряду с этим происходило обеднение, а иногда и полное обезземеление других крестьян. В XVII веке мы застаем карельскую деревню уже далеко ушедшей по пути экономической дифференциации. Об этом свидетельствует, прежде всего, большое количество жалоб на богатых, «изможных» крестьян и на закабаление ими окружающей бедноты. Об этом же говорит и огромное количество челобитных об уплате кабальных долгов, сохранившееся в фонде Олонецкой приказной избы. Из этих челобитных в настоящем сборнике публикуется лишь несколько, т. к. все они

^а См. № 64.

чрезвычайно однообразны по содержанию. В них обычно челобитчиком является крестьянин, жалующийся на неуплату ему кабальных долгов большим количеством крестьян, причем нередко разных погостов. Это указывает на существование в руках некоторых крестьян капиталов ростовщического характера и на закабаление ими значительной части крестьян. Богатые, «изможные» крестьяне пользовались, понятно, и большим влиянием при решении общеволостных дел. Дела эти — разверстка и сбор податей, суд в первой инстанции, заключение займов на мирские нужды и т. д. — были предоставлены решению мирской организации и ее выборных представителей — старосты с его помощниками. Как на выбор старосты, так и на его деятельность «прожиточные» крестьяне оказывали большое влияние: пользуясь тем, что многие крестьяне были ими «окабалены и обдолжены», они проводили на выборные должности своих кандидатов, незаконно выбирали подходящих для них людей по несколько лет подряд, покрывали затем их злоупотребления, назначали не в очередь мирских людей на выборные должности и т. п. Особенно широкое поле для злоупотреблений открывалось при раскладке податей. Отсюда — постоянно тлевшая и нередко прорывавшаяся борьба между отдельными слоями крестьянства. Борьба эта чаще выражалась в пассивной форме подачи жалоб и челобитных представителям правительства, тем подьячим, о которых свидетельствуют те же челобитные, что они действовали, «стакався» с крестьянами-мироедами. В этих челобитных «недостаточные» крестьяне просили об отводе одних кандидатов и утверждении других, «чтоб нам маломожным сиротам от горланов в лишних налогах в конец не погинуть»^а. Они жаловались: «кровь с нас выпили те миреды, а сами не платят они ничего». В некоторых случаях группа «маломожных» крестьян выходила «из старощенья» старосты — ставленника прожиточных людей и выбирала другого. Так, часть крестьян Мунозерского конца Шуйского погоста, когда староста Лука Пономарев стал на них «не по силы расходов чинить и розводить», «от того Лучки ис старощенья отошли прочь и поставили старостой себе» другое лицо^б. Были, наконец, случаи и открытого неподчинения власти старосты, а затем и правительственных чиновников, посланных для сбора податей. Впрочем, борьба между сельскими богачами и беднотой развертывалась не только вокруг вопроса о выборах мирских представителей и распределения тягла. Было немало и других спорных дел, в особенности связанных с размежеванием земли, с раздেলাми. В этом стремлении уточнить границу своих деревенских участков также сказалось начало земельной тесноты. Были нередко случаи, когда несколько человек вели совместно крестьянское хозяйство. Это были либо члены одной семьи, либо люди, специально «сложившиеся» для ведения общего хозяйства. Можно проследить как

^а См. № 135.

^б См. № 50.

возникновение, так и распад подобных складнических союзов^а. На долю «изможных» крестьян при подобных разделах приходилось, конечно, значительно больше земли, чем на долю остальных. Так, например, по одному разделу половина всей земли достается одному из бывших совладельцев, а вторая половина — остальным четверем.

Разумеется, зажиточные крестьяне занимались не одним сельским хозяйством. Выше были отмечены случаи земельной спекуляции и ростовщичества. Кроме того имеем не мало сведений о скупке состоятельными крестьянами продуктов крестьянских промыслов: рыбы, железа и железных изделий, хлеба, мехов, сала. Из одной челобитной узнаем и о скупке хлеба на корню. Все эти продукты скупались, конечно, для перепродажи. О том, что зажиточные крестьяне занимались торговлей, ездили с товаром по русским ярмаркам и даже в Швецию, имеется также не мало сведений. Из наиболее состоятельных крестьян пополнялись ряды посадских людей возникшего в середине XVII века Олонецкого посада. Однако, насколько позволяют судить документы, здесь не скапливались в чьих-либо руках очень крупные капиталы. Нет решительно никаких сведений о каких-либо значительных торговых домах в Карелии, о крупных фирмах со значительным оборотом, о переходе кого-либо из местных торговцев в гостиную или суконную сотню. Можно полагать, что крупных торговых людей среди карельских торговцев не было. К тому же выводу приводит и малое количество торговых пунктов в тогдашней Карелии. Городов не было вовсе, если не считать Олонца, возникшего из потребностей военной охраны границы, но имевшего также и торговое значение. Места, где происходил торговый обмен, существовали. Среди них первое место занимали Повенецкий рядок и Кемский посад.

Если на одной стороне карельской деревни стоит состоятельный «изможный» крестьянин, занимающийся не столько сельским хозяйством, сколько торговлей, а нередко и ростовщичеством, то на другой стороне дифференцированной деревни видим деревенского бедняка, вконец закабаленного, лишившегося земли и вынужденного продавать свой труд, нанимаясь к более состоятельным крестьянам для полевых работ, помощи в занятии промыслами, пастьбы коров и т. п.^б. В массовом количестве наемный труд применялся на Олонецких медных (впоследствии железных) заводах. Многочисленные данные об этом приведены в сборнике материалов, посвященном этим заводам, который должен служить дополнением к настоящему сборнику^в.

Но и положение средних слоев крестьянства, составлявшего большинство населения Карелии, было нелегким. Приходилось вести постоянную борьбу с суровой природой для прокормления

^а См., напр., № 94.

^б См. №№ 55, 138.

^в Крепостная мануфактура в России, т. II, Лнгр. 1931.

себя и семьи, а также для покрытия государственных повинностей — тягла, быстро возраставшего в XVII веке, и разного рода чрезвычайных сборов.

На вотчинных землях повинности были не легче. В Карелии почти отсутствовал феодал — помещик. Феодалами в Карелии были монастыри. Крупнейшими монастырями на территории Карелии были: Валаамский и Коневский на островах Ладожского озера, Муромский и Палеостровский у Онежского озера. Кроме этих местных монастырей, ряд монастырей новгородских — Тихвинский, Вяжицкий, Росткин, Юрьев и др. — владели значительными вотчинами в Карелии, но особенно велики были владения Соловецкого монастыря в карельском Поморье. Закабаление и эксплуатация монастырями крестьян и борьба последних с монастырскими властями — один из значительных моментов в истории Карелии.

В середине XVII века к этому прибавилось новое бремя, легшее громадной тяжестью на плечи крестьян. Московское правительство, перед которым с большой остротой стоял вопрос об охране карельского рубежа от западных соседей — шведов и каянских немцев (финнов), сделало попытку разрешить эту задачу наимыгоднейшим, как вначале казалось, образом. Решено было освободить крестьян Заонежских и Лопских погостов от тягла и привлечь все местное сколько-нибудь зажиточное крестьянское население к несению солдатской и драгунской службы, послав в погосты для обучения крестьян иноземных офицеров. На Олонце был выстроен город-крепость, ставший также административным центром погостов. Предполагалось, что у новых солдат будет достаточно времени, свободного от военных занятий, чтобы продолжать вести свое хозяйство и таким образом прокармливать себя и свои семьи. На деле оказалось иное. «Пашенные солдаты» с самого начала вынуждены были запустить свое хозяйство. Когда же, в нарушение первоначальной установки, пашенных солдат стали посылать в дальние походы во время войны со Швецией, крестьянское хозяйство пришло в полный упадок. К тому же пашенные солдаты оказались очень ненадежным войском: солдаты сотнями разбегались с фронта. Правительство сначала пыталось прибегнуть к строгим мерам: одно время беглецов приговаривали к смертной казни. Но, наконец, пришлось отказаться от этой меры. В 1666 году организация пашенных солдат была отменена. При этом разоренные крестьяне были обложены тройным тяглом, от которого правительству также пришлось через несколько лет отказаться ввиду накопившихся недоимок.

С солдатчиной связано множество эпизодов, характеризующих большую силу сопротивления, жившую в карельских крестьянах: от пассивных мер — массового ухода со службы и укрывательства беглых — до открытого сопротивления, оказываемого властям.

Материал о пашенных солдатах очень обширен и должен составить предмет отдельной публикации. В настоящий сборник, посвященный карельской деревне, этот материал включен лишь в той

мере, в какой он отображает влияние этих первых в России «солдатских поселений» на жизнь деревни: усиленный сыск и возврат на прежние участки «сошлых» крестьян накануне проведения реформы; связанное с этим возвратом постановление о принудительном отнятии земельных участков, проданных или заложенных «сошлыми» крестьянами, у их новых владельцев; недоразумения, возникавшие на этой почве; правительственное запрещение отчуждать землю на карельской территории и многочисленные нарушения этого запрещения; разделение всех крестьян на солдат и драгун и «охудалых» крестьян, освобожденных за скудостью от солдатчины; постройка города Олонца, как порубежной крепости, и перевод на Олонецкий посад наиболее зажиточной части крестьян — нарождавшейся крестьянской буржуазии; в дальнейшем — обнищание карельской деревни, запустение ее, накопление недоимок и, наконец, отказ правительства от дальнейшего сохранения пашенных солдат в Карелии, попытки ввести «тройное тягло» и отмена его ^а.

Хотя медленно и с большим трудом, карельская деревня оправилась от последствий солдатчины. Опустевшие участки вновь были заселены, торговый обмен возрос; особенно усилились торговые связи со Швецией.

В это время в Поморье и в северной Карелии появилось значительное количество раскольников. Проводниками раскола в Карелии были выходцы из Соловецкого монастыря. Эти «учительные люди», скрывавшиеся от преследований правительства в глуши северной Карелии, переходили там из одной волости в другую и основали несколько раскольниковских общежитий, из которых самым известным была Выгорецкая пустынь. Двукратный захват раскольниками Палеостровского монастыря и сопротивление, оказанное ими правительству, свидетельствуют о силе и распространенности этого движения среди карельских крестьян. Действительно, насколько позволяют судить документы, большое количество крестьян, если и не являлись сами активными раскольниками, сочувствовали движению и всегда готовы были дать приют преследуемым. К ранее опубликованным материалам о расколе в Карелии ^б в настоящем сборнике добавлено несколько документов, свидетельствующих о проникновении раскола в карельскую деревню и о мерах правительства по борьбе с ним ^в. К сожалению, материал по этому движению, сохранившийся в обследованных фондах, крайне скуден.

Материал сборника доходит до самого конца XVII века. Эта дата — не случайно выбранный момент. Мероприятия Петра I, проводившиеся им в начале XVIII века и связанные отчасти с Северной войной и основанием Петербурга, отчасти с новой организацией

^а См. №№ 37, 39, 41, 45, 46, 59, 66, 67, 68, 72, 75, 78, 89, 91, 117, 125.

^б Барсов. Палеостров, его судьба и значение в Обонежском крае. Читания, 1868, кн. 1: Акты Ист., т. V, № 151.

^в См. №№ 146, 186, 191, 202, 210, 224.

Олонецких заводов, отчасти же с общегосударственными преобразованиями, имели большое влияние на Карелию и сильно изменили ее экономический и социальный облик.

В условиях развивающихся товарно-денежных основ хозяйства Карелия — область, где господствовало мелкое земледельческо-промышленное хозяйство и сравнительно мало развит был торговый обмен, стала приходить в экономический упадок. Политическое значение, которое она имела в XVII веке, как пограничная область, также было ею утрачено. На рубеже этого периода и останавливается настоящая публикация.

Для настоящей публикации были в основном привлечены материалы двух архивных фондов: Государственного Архива Феодално-Крепостнической Эпохи (ГАФКЭ) и Архива Ленинградского Отделения Института Истории Академии Наук СССР (ЛОИИ). В первом из них, в фонде Приказных дел старых лет, сохранились прежде всего грамоты или черновые отпуски их, посылавшиеся из Новгородского приказа, в ведении которого находилась тогда Карелия. Затем, в том же фонде хранятся те судебные дела, которые по каким-либо причинам не могли быть решены на месте в Олонце и переносились в Новгородский приказ, как высшую инстанцию. Материалы ГАФКЭ использованы для следующих номеров сборника: 25, 28—40, 42, 45, 46, 48, 73, 75, 76, 84, 113, 114, 117, 119, 120, 124, 127, 155, 156, 164, 186, 187.

В Архиве ЛОИИ использован главным образом фонд Олонецкой приказной избы. К сожалению, фонд этот, чрезвычайно ценный для истории Карелии, охватывает лишь вторую половину XVII века, начиная с 1648 года. До этого времени восточная Карелия в административном отношении подчинена была непосредственно Новгороду. Правда, в первой половине XVII века несколько раз вводили воеводское управление в Карелии. Однако, никакого делопроизводства этих кратковременных воеводств не сохранилось. Лишь с постройкой Олонца введено было в Карелии постоянное воеводское управление, распространявшееся на Заонежские и Лопские погосты. Делопроизводство созданной в Олонце приказной (воеводской) избы составило тот фонд, материалы которого послужили основным источником сборника. Фонд этот, к сожалению, не разобран и не описан. Документы не имеют шифров. Поэтому в легенде приходится ограничиваться указанием, что документ относится к фонду Олонецкой приказной избы. Из этого фонда вошли в сборник номера: 18, 19, 43, 44, 49—70, 72, 74, 79—83, 85, 87—103, 105—112, 115, 116, 121—123, 126, 128—138, 140—145, 148—154, 157—163, 165—185, 188—195, 197, 198, 200—203, 205—210, 212—214, 216, 217, 219—222. Из того же архива ЛОИИ взято: из копийного сборника Соловецкого монастыря № 146 — №№ 4, 5, 10—13; из фонда Новгородской казенной палаты — №№ 24, 41, 118 и 125; из актов 1601—1613 гг. (опись в Летописи Зан. Археогр. Ком., вып. 35) —

№№ 2, 3, 6—9; из актов Строева — №№ 139, 204; из архива Климентского монастыря — № 215.

Для №№ 26, 104, 146, 196, 211 и 218 использовано собрание актов Научно-Исследовательского Института Культуры Карело-Финской ССР.

Остальные документы перепечатаны из разных изданий, в настоящее время мало доступных: № 15 перепечатан из 3-го тома Актов Археографической Экспедиции; № 78 — из 4-го тома Дополнений к Актам Историческим; № 1 — из Олонецкого сборника, вып. 3; №№ 223 и 224 — из Олонецких губ. ведомостей; №№ 14, 22 и 77 — из книги Досифея «Географическое, историческое и статистическое описание Соловецкого монастыря»; №№ 16, 23, 71, 199 — из статьи Барсова «Палеостров, его судьба и значение в Обонежском крае», напечатанной в Чтениях МОИД за 1868 г., кн. 1; №№ 86 и 146 — из статьи Барсова «Олонецкий монастырь Клименцы», напечатанной в Чтениях МОИД за 1870 г., кн. 4; №№ 17, 20 и 21 — из материалов, напечатанных К. Якубовым «Россия и Швеция в первой половине XVII в.» в Чтениях МОИД, 1897 г., кн. 4; № 27 извлечен из Чтений МОИД, 1903 г., кн. 4.

Все это материал актовый. Писцовые книги, которые должны служить неременным дополнением к актам, будут опубликованы отдельно.

Порядок расположения материала в сборнике хронологический. Среди прочего актового материала в него включено большое количество челобитных, подававшихся местным населением в Олонецкую приказную избу. Относительно этих челобитных необходимо отметить следующее: 1) сами челобитные, как правило, не содержат в себе даты написания; почти все они, однако, снабжены делопроизводственными пометами, содержащими дату первоначальной канцелярской записи о движении дела, возникающего в связи с подачей челобитной; поскольку, как можно судить по многочисленным данным, эта дата обычно очень близка к дате составления и подачи челобитных, последние датированы именно по этим пометам — в дате указано, что челобитная составлена «не позднее» даты, указанной в помете; эта датировка применена также и в тех случаях, когда в тексте челобитной имеются упоминания каких-либо датированных событий, имевших место ранее подачи челобитной; последние датировки не использованы в заголовках, потому что составление челобитной обычно было ближе всего ко времени проставления пометы на ней; 2) поскольку большинство челобитных, вошедших в состав сборника, было подано в Олонецкую приказную избу, в заголовках к этим челобитным для избежания повторений опущено указание на место подачи челобитных; оно сохранено лишь в тех случаях, когда челобитные подавались в какое-либо иное учреждение; наконец, 3) из тех же соображений, когда челобитчик и те лица, на которых он приносил жалобу, были крестьянами одного погоста, волости, трети, эта принадлежность их к той или иной административной единице указана лишь при

имени челобитчика и более не повторена. Вместе со многими челобитными сохранились и памяти — распоряжения воеводской избы. Иногда они содержат дословный пересказ челобитной, чаще же только распоряжение о решении, принятом в связи с поданной челобитной, то самое, которое имеется также в помете, делавшейся обычно на обороте челобитной. Эти памяти опубликованы вслед за челобитными лишь в тех случаях, когда содержание их не покрывается содержанием челобитной и пометы на ней.

Транскрипция и передача текста соответствуют правилам, принятым Институтом Истории Академии Наук СССР в его последних публикациях исторических материалов.

Примечания к Сборнику имеют целью разъяснить некоторые термины и отдельные места документов, а также помочь выбрать и сгруппировать материал, освещающий какой-либо вопрос. Для последней цели примечания снабжены ссылками на номера соответствующих документов.

Следует отметить, что фонд Олонецкой приказной избы, из которого извлечено значительное количество документов для Сборника, был отчасти использован М. А. Островской в ее работе «Земельный быт сельского населения русского севера в XVI—XVIII веках».

В подборе материала для сборника принимали участие А. П. Прессман и Н. М. Элиаш.

Р. Б. Мюллер

КАРЕЛЬСКАЯ ДЕРЕВНЯ в XVII в.

